

Второе следствие. Процесс взаимного доопределения схем (средства) и деятельности (проблемы) означает возможность изменения исходных оснований деятельности. Таким образом, помимо эпистемологического анализа схем, данная работа содержит описание тех *проблем*, которые вставляли перед представителями и критиками деятельностного подхода. Данные проблемы приводили к переосмыслению, проблематизации оснований деятельности. Данное обстоятельство подтверждается очень интересным эпистемологическим фактом. В случае каждого из рассматриваемых направлений мысли анализ схем с необходимостью приводил к вхождению в краеугольные основания *самой анализируемой концепции*.

В-третьих, возможен анализ схем не только в рамках деятельностного подхода. А.П.Огурцов и Б.И.Пружинин с разных сторон обратили внимание автора на то, что представление о схемах эволюционировало не только в рамках деятельностного подхода. Теория, разрабатываемая школой Ж.Пиаже, демонстрирует очень интересную эволюцию схем в рамках натуралистического подхода. Эта тема, бесспорно, очень интересна. Не являясь центральной для данной работы, она, тем не менее, будет затронута. Здесь же уместно привести еще один результат исследования. При отборе материала для анализа я руководствовался простым критерием. Меня интересовали те направления философско-методологической мысли, в которых схемы рассматривались рефлексивно. Иными словами говоря, были выбраны те авторы, которые с философско-методологической позиции рефлексивно рассматривали *сами средства* (то есть схемы) собственной (или чье бы то ни было еще) интеллектуальной работы. Так вот оказалось, что *все* выбранные по такому критерию направления относятся к деятельностной тематике! Предвижу, что данное утверждение, несомненное в случае Ж.Пиаже, когнитивной науки и Г.П.Щедровицкого, кому-то из читателей покажется странным применительно к И.Канту. Таких читателей я отсылаю к специальному параграфу, озаглавленному «Был ли И.Кант представителем деятельностного подхода?».

Итак, что за горизонты открываются для философско-методологического мышления, когда оно начинает делать схемы предметом своего интереса?

Генезис социальности и воспроизводство
институциональной структуры
(еще раз о «коллективном субъекте»)

Классик современной социологии Н.Луман прибегает к представлению о схемах в связи с задачей теоретического рассмотрения феномена коллективного поведения¹. Если обращаться к социологии масс-медиа, то схемы — это своеобразный посредник между системой масс-медиа и «внешним миром», к которому принадлежат индивиды². Забегая вперед, отметим, что схемы у Лумана структурно занимают сходное место со схемами в трансцендентальной критике Канта. При всем различии исходных интуиций и у Лумана и у Канта схемы опосредуют и обеспечивают взаимодействие между индивидуальным сознанием (то есть феноменами, по Канту) и надындивидуальными структурами (то есть категориями). Любопытно и симптоматично, что в процессе продумывания системы масс-медиа теоретическое рассмотрение «человека» начинается только лишь в 15 главе, то есть именно в той главе, которая посвящена схеобразованию. В этом смысле схемы являются основным «материалом», из которого в системе масс-медиа создается образ «человека». Они делают возможным присутствие «человека» в виде социального конструкта.

Корифей французской социологии П.Бурдьё делает похожий ход, но совершенно на другом материале. В своей фундаментальной работе «Практический смысл» он говорит о схемах в связи с постановкой вопроса о том, каким образом происходит воспроизводство во времени ритуалов в традиционных обществах. Именно ритуалы (сельскохозяйственные, брачные и т.п.) конституируют традиционную общину. А поскольку ритуал, с точки зрения французского социолога, воспроизводится по определенной схеме, имеет определенную схему в своей основе, то именно схемы являются условием воспроизведения общности, условием того, что она остается тождественной сама себе во времени. П.Бурдьё указывает на очень важное обстоятельство, с которым, как я полагаю, был бы согласен и Н.Луман. Схемы ритуалов не представлены для носителей этих ритуалов в качестве овнешненных внеположенных структур: они вплетены в саму ткань жизнедеятельности, полностью управляют и воспроизводят саму жизнедеятельность. Хотя, с другой стороны, рефлексия и анализ схем — это единственное, на что может рассчитывать антрополог-исследователь, для которого ритуал не является «своим», не относится к его жизнедеятельности.

С этой точки зрения можно предложить следующую идеальную последовательность культурно-исторических событий, приводящих к возникновению и последующему воспроизводству социального института³.

Первым событием является возникновение нового **видения** (удаление на первом слоге). Это понятие активно используется в теории организации, практике стратегического консультирования; там оно описывает целевую перспективу, желаемое будущее. Здесь данное понятие используется в следующем смысле. **Видение** — это незнакомый доселе образ положения вещей (образ того, как устроен мир, образ социального устройства, образ способа действия и т.п.), который актуально не присутствует, но является возможным в силу своей правильности, красоты эффективности, справедливости, и т.д. Научное открытие, план военной операции, инженерное решение, идея социального устройства — на том этапе, пока они еще не стали достоянием единомышленников и коллег, не воплощены в жизнь — все это примеры **видения**. **Видение** относится к до-временной перспективе: оно может быть найдено и в прошлом, и в будущем. На этом этапе человек (тот, у кого есть **видение**, или тот, кто это **видение** разделяет) скажет что-то вроде следующего: «Всё есть число» или «Нет ничего, кроме атомов и пустоты».

Второй этап — возникновение на основе видения некоторой техники (или техник), то есть определенной последовательности действий, приводящих к желаемому результату. Эти действия могут иметь различную направленность, но всегда и всюду они привязаны к **видению**, ориентированы на него, имеют его своей основой, центром и смыслом. Здесь человек произнесет что-то вроде следующего: «Стремлюсь к катарсису через познание числовой связи между мною и космосом».

Следующий этап — складывание вокруг **видения** определенной практики, то есть структуры позиций. Произошло обобществление **видения** внутри этой позиционной структуры, использующей технику, созданную на предыдущем этапе. Идеально возможны два варианта. Структура позиций складывается заново, происходит разделение труда, результаты и средства деятельности каждой из позиций передаются другим, возникает кооперация между ними. Говоря организационным языком, возникает новая «позиционная «машина». Второй случай — когда новое **видение** «погружается» в уже существующую практику, начиная эту практику переопределять. Появляются новые позиции, уходят старые, возникают новые кооперативные связи и отношения. Итак, на этом этапе человек говорит про себя: «Я — член пифагорейского кружка».

В принципе, на этом этапе (как, впрочем, и на любом другом) все может закончиться. В таком случае техника начинает самостоятельное движение в истории, попадает в иные практики и т.п. Самым главным результатом этого (с эпистемологической точки зрения) становится потеря техники и исходного *видения*. Следствием становится возникновение связи между данной техникой и иным видением, исходно для нее чуждым. В этом отношении показательным примером является судьба аристотелевской логики. Французский логик Ш. Серрюс полагает, что логика Аристотеля, вопреки устойчивому представлению, не заслуживает название «формальной», так как «она погружена в онтологию как в присущую ей среду; она питается от нее»⁴. Превращение аристотелевской логики в творящий свою «онтологию» набор принципов и правил стало возможным благодаря сложной эволюции, сутью которых в интересующем нас аспекте стал выход аристотелевской логики (как техники, с точки зрения предложенной последовательности) из античного мировоззрения (как *видения*). Если же указанной миграции и «отщепления» техники не происходит, то возможен следующий этап.

Преобразование практики в тип деятельности⁵. Происходившее на предыдущем этапе приводит к следующему результату. *Видение* исходной практики получает статус онтологической гипотезы, ценности, аксиомы, то есть становится основанием. На этом этапе то, что раньше выступало пионерским *видением*, входит в структуру образования, выходящего за пределы данной практики (назовем ее «исходной практикой»). *Видение*, средства и методы позиций исходной практики попадают в проработку представителей иных практик и социокультурных институтов, становятся востребованы ими. Уникальная позиционная структура и набор средств, оснащающие позиции этой структуры, то есть все то, что делает исходную практику отличной от других практик, превращается в проекты организации иных практик, которые не были связаны с проработкой или реализацией *видения* исходной практики. Речь не идет о слепом копировании другими практиками позиционной структуры исходной практики. Отдельные элементы и фрагменты кооперативных связей, какие-то средства могут сворачиваться в компетенции одной (возможно, новой позиции), может происходить создание новых средств, какие-то элементы этих практик дополняют «исходную» и т.д. и т.п. На этом этапе мы услышим следующее: «Я занимаюсь исследовательской работой».

Наконец, завершающий этап — это превращение типа деятельности в социокультурный институт. Здесь происходит окончательная общественная и символическая легитимация типа деятельности: по

является своя культурная история, свои традиции, способы включения новых членов в данный институт, механизмы аккумуляции общественных ресурсов, возникает свое «обычное» право (система неписанных социокультурных норм). Данный социокультурный институт становится полноправным участником структуры кооперации между другими социокультурными институтами и т.д. На этом этапе человек может сказать про себя: «Я — ученый».

Излишне говорить, что процесс возникновения и воспроизводства социокультурного института описан здесь в самом общем виде. Указанные этапы можно назвать идеальными типами (пользуясь языком М.Вебера): они не встречаются в чистом виде, но схватывают реальную историю.

С философско-методологической точки зрения самым интересным является то, каким образом происходит переход от одного этапа к другому. Что является эпистемологическими условиями этих переходов, их механизмами⁶? Что обеспечивает возникновение техники из видения, практики из техники и т.д. таким образом, что *на каждом из этапов рассмотренного процесса присутствует самотождественность описываемых феноменов*? Указанный момент имеет первостепенное значение, понятное для каждого, кого интересует социокультурная судьба и миссия мыследеятельностных институтов⁷. Вот, к примеру, что пишет по этому поводу исследователь античной философии: «Ни последовательная смена одних философских концепций другими, ни эволюция взглядов греческих философов на те или иные проблемы, никакой другой аспект *становления* [здесь и далее выделение автора — Ф.М.] философской мысли сам по себе не даст нам понимания ее непреходящего существа и стабильной формы, ...без учета требований институционального подхода мы не можем схватить специфики того *бытия*, которое обеспечило философской *мысли* непрерывную *жизнь* в течение всего времени, отпущенного античности»⁸.

Что же выполняет функцию механизмом переходов между различными этапами? Такую роль выполняют схемы. Снова стоит сделать важное замечание. Переходы между указанными этапами связаны с огромным числом разнообразных обстоятельств, относящихся к области социокультурной конъюнктуры. К ней относится характер социокультурного спроса на данное *видение* (способы действия, идентификацию и т.д.), то есть своеобразный «дух времени». Важную роль играет социокультурное окружение рассматриваемых феноменов, конкурирующие *видения*, техники, практики и т.п. Здесь есть огромное поле для предметных исторических исследований. Если же оставаться на философско-методологической позиции, то беспорядный

интерес представляет именно указанная тема: как происходят переходы? Может ли эпистемология претендовать на то, что она обладает этим знанием?

Почему такой акцент ставится именно на механизмах переходов? Философия и эпистемология развивающихся систем убедительно показывает следующее. Именно знание о том, каким образом происходят переходы между различными этапами процесса содержит ресурс проблематизации фундаментальных представлений об описываемой системе⁹. (Возможным итогом этой проблематизации может стать и отказ от существующей последовательности этапов развития.) Именно в рассмотрении механизмов смены этапов — точки роста новых теорий. Читатель без труда сможет припомнить факты из истории науки, подтверждающие данную мысль (например, из истории биологии). Для примера укажем концептуальную полемику относительно природы и этапов психического, начавшуюся в 1920-30-е года с проблематизации Л.С.Выготским существовавших тогда представлений о соотношении обучения и развития. (Этому вопросу посвящены соответствующие страницы предлагаемой работы.) Здесь же лишь укажем, что эта полемика оказалась чрезвычайно полезной. В частности, В.В.Давыдовым была разработана теория, раскрывавшая на современном логико-психологическом уровне содержание основных типов сознания и мышления и основных видов соответствующих им мыслительных действий младших школьников. Критически анализируя существовавшую в то время психолого-педагогические представления о том, каким образом ребенок осваивает понятийное мышление, Давыдов подошел к критике так называемой формальной теории образования понятий¹⁰.

Итак, каким образом схемы выполняют роль механизмов в переходах от одного этапа возникновения и воспроизводства социокультурного института к другому?

От видения к технике: функция субъективации. Здесь схемы позволяют осуществить то, без чего уникальное видение осталось бы достоянием индивидуального сознания. Видение субъективируется другими, теми, кем оно изначально не было получено. Для того, чтобы произошло превращение видения в набор определенных действий, должно произойти очень важное событие. У тех, кто видением пока еще не обладает, самостоятельно это видение не изобрел, не обнаружил, должна возникнуть задача превратить это видение в совокупность операций. И если такая задача не возникнет, следующий этап (техника) не возникнет. Субъективируется именно схема видения. Она позволяет человеку включиться в видение, то есть понять, что оно — это видение — про него самого, про что-то очень важное для него.

От техники к практике: функция проектирования. На данном этапе схемы выполняют следующую функцию (или функции). Происходит обобщение техники, вобравшей в себя видение (базирующейся на видении). Тут схемы изображают проект организационной формы, которая отвечает двум условиям. Во-первых, схема (или набор схем) сворачивает главные элементы техники (определенные действия или цепочки действий) в характеристики позиций. Во-вторых, она показывает способы связей позиций друг с другом.

От практики к типу деятельности: функция порождения новой формы. Происходит чрезвычайно интересный процесс. Схема практики, то есть форма организации коллективной деятельности, превращается в форму организации мышления. Фактически происходит своеобразная семиотизация форм организации коллектива, она, эта форма организации коллектива, «втягивается» в мышление. Тот, кто овладел данной формой мышления, фактически начинает в мышлении имитировать коллективную практику. С этой точки зрения очень интересно исследование Ф. де Куланжа¹¹, посвященное истории древнегреческой общины. С его точки зрения, категория род-вид, созданная в школе Платона, является ничем иным, как рефлексией устройства греческой общности, распад которой как раз имел место в период творчества Платона. Именно семиотизация форм практики позволяет превратить то, что было достигнуто на предыдущих этапах, в содержание образования. Конкретные формы практики начинают имитироваться через структуры мышления. Здесь также интересно вспомнить исследования Д.Б. Зильбермана. Он показывает, что между шестью известными индийскими школами философии (даршанами) связи «настолько сильны и необходимы для их функционирования, что не предполагают раздельное существование самих даршан»¹². Сами индийские школы автономны, «они не определяются никакими «экстра-философскими» факторами, а зависят *исключительно друг от друга* [выделение автора — Ф.М.]. Разворачивающаяся в них философская активность может быть поэтому проинтерпретирована как *axis sui generis* [выделение автора — Ф.М.], направленная исключительно на воспроизводство каждой из этих систем посредством репродукции их всех»¹³.

От типа деятельности к социокультурному институту: функция имидж-символизации. Здесь происходит возникновение схем аккумуляирования общественного капитала. Также представления, стоящие за типом деятельности, получают то, что с легкой руки французских социологов получило название «символический капитал». Иными словами, происходит вписывание рамочных структур (схем) типа

деятельности в систему общественного разделения труда. Формируются имидж и идеология данного типа деятельности. Обыватель и представители иных типов деятельности теперь знают ответ на вопрос, в чем смысл и назначение рассматриваемого типа деятельности, почему в него нужно инвестировать новые ресурсы.

Рефлексивный комментарий: почему именно схемы?

Возможно, у читателя возникли сомнения. Вероятно, большую часть этих сомнений можно сформулировать в виде двух вопросов. Во-первых, почему речь идет именно о схемах, а не о чем-то ином, например, о понятиях, идеализациях, установках, принципах, нормах и т.д. и т.п.? Во-вторых, не ведет ли многообразие функций, о которых говорилось выше, к тому, что схемы как объекты эпистемологического исследования просто-напросто исчезают? Нет, дескать, никаких схем как себе тождественных образований, а есть указания на важные этапы эволюции социокультурных институтов.

Начнем со второго вопроса. Он очень интересен, поскольку ведет к необходимости описания той позиции, с которой проводится исследование. Оно проводится с философско-методологической позиции. Для этой позиции одной из центральных тем является ***форма как характеристика мыследеятельности***. Что, с точки зрения формы, происходит при изменении мыследеятельности? Как форма влияет на эти изменения? Каковы направления эволюции самой формы? Какова принципиальная разница между формой, «погруженной» в процессы мыследеятельности, и формой, рефлексивно схватывающей мыследеятельность целиком? Вот вопросы, которые играют важную роль в конституировании философско-методологической позиции, составляют ее цель и направленность. В известном смысле эти вопросы носят абсолютную ценность, то есть их важность не определяется какими-то извне заданными соображениями (не с точки зрения формы). Действительно, конкретные обстоятельства прошлого (культурной деятельности прошлого) не нужны в настоящем, по той простой причине, что они в настоящем не могут быть воспроизведены: изменилось время, возникла новая ситуация с новыми смыслами, целями, ценностями и т.д. В настоящем воспроизводима только лишь форма прошлой мыследеятельности, и поэтому именно форма дает импульс живой преемственности между прошлым и настоящим.

С этой точки зрения *схемы суть особый тип формы*. В целом исследование посвящено разворачиванию и раскрытию данного тезиса. Причем внимание направлено только лишь на один его аспект: схемы рассмотрены как *средства описания*. Другие функции схем — проектная, предметная, интерпретативная¹⁴, конструирующая, организационная, символическая (схемы как предмет и средство обмена), управленческая и т.д. и т.п. — затрагиваются лишь в той степени, в которой они касаются функции описания, выводятся из этой функции и ее проясняют. Схемы — это полифункциональные образования. Таким образом, мы подбираемся к ответу на поставленные вопросы. Конечно, простым указанием на полифункциональность схем на эти вопросы ответить невозможно. Раскроем единую и центральную проблему, которая вызвала культурно-историческую необходимость появления схем в философско-методологическом мышлении.

Проблема возникновения теоретического знания и гомогенизация

Суть этой проблемы заключается в переходе от гетерогенного (разнородного) множества вещей, феноменов и т.д. к гомогенному (однородному) множеству тех же самых (но уже видоизмененных — гомогенизированных) вещей, феноменов и т.д. Сам этот переход и есть гомогенизация. Что является опосредующим звеном подобного перехода? Благодаря чему, *с точки зрения формы*, он совершается?

Небольшое терминологическое прояснение. Термин «гомогенизация» служит для обозначения целой серии изменений, приведших к возникновению нового типа мышления и знания — нововременного математизированного естествознания. Суть этих изменений заключается в устранении *границ* между различными, разнородными областями бытия («гомогенный» в буквальном переводе с греческого означает «однородный», напротив, «гетерогенный» — это «разнородный»). Итак, гомогенизация — это процесс, при котором разнородное становится однородным. Гомогенизирующие тенденции привели к появлению новой — научной — формы мышления и знания. Главным событием здесь явилось устранение фундамента античного мировоззрения — границы между надлунным и подлунным мирами¹⁵.

Эпистемологические последствия этого шага, предпринятого Галилеем, сложно переоценить. Если между различными регионами бытия отсутствуют непроницаемые для мышления и действия границы, следовательно, эти различные регионы суть в принципе сходные, они имеют однородное устройство. И тогда становится возможным обос-

новать принципиально новые философско-методологические стратегии. В первую очередь, речь идет об идее эксперимента. Действительно, коль скоро различные регионы бытия имеют принципиально однородное устройство, следовательно, научные результаты, полученные в одном «месте» бытия, потенциально применимы к всему бытию в целом. Во-вторых, таким образом обосновывается сама идея теоретического знания как законов, имеющих универсальный статус. Далее, эпистемологическая идея стирания непроницаемых для мышления и действия границ делает возможным и поощряет ценность познавательной и проектной экспансии во все сферы бытия. Параллельно происходит конституирование новой формации мышления и действия, не связанных с идеей иерархии.

Гомогенизирующие тенденции оказали влияние на весь универсум мыследеятельности: от изменения институциональной структуры общества (стирание корпоративных, сословных и иных границ) до искусства (к примеру, появление обратной перспективы). Данный термин попал в философско-методологический лексикон благодаря биологии. Он играл центральную роль в программе построения теоретической психологии К.Левина и продолжает оставаться центральным в современных когнитивных науках¹⁶. С точки зрения И.Т.Касавина¹⁷, гомогенные и гетерогенные онтологии соотносятся с двумя различными типами мировоззрений и ценностных установок: активистской и традиционалистской. Активистское мировоззрение связано с идеей универсальности опыта и ценностью преобразования природы, а также самопреобразования. Начало гомогенной онтологии И.Т.Касавин видит в работах Бэкона и Декарта, для которых «идея метода как основы деятельности нуждается в онтологии гомогенного типа»¹⁸. Напротив, гетерогенная онтология предполагает многочисленные и разнообразные преграды как условия деятельности, она выдвигает требования их воспроизводства. Для участников онтологий этого типа характерна идентификация с некоторой культурной традицией. «Гомогенная концепция общества»¹⁹ выражается в сведении всех социальных связей к устойчивым правилам, основанным на принципиальной тождественности индивидов. В основе социальной гомогенности лежит производительная, полезная деятельность. Последняя всегда имеет некую единую и общую меру — *деньги*, которые, как обособленный от реальных референтов всеобщий эквивалент, редуцируют все гетерогенные силы общественного развития. Инерция и последствия гомогенизирующих тенденций, возникших в новое время, отчетливо ощущаются и сегодня. Более того, именно они определяют наиболее ха-